

НЕИЗВЕСТНАЯ РЕЦЕНЗИЯ Г. В. ПЛЕХАНОВА НА КНИГУ О ГЕТЕ

Среди литературных привязанностей Г. В. Плеханова Гете занимает место в первом ряду. В далеком от полноты собрания его сочинений свыше полусотни цитат, упоминаний и ссылок на Гете. В самых ранних печатных выступлениях—народнических корреспонденциях конца 70-х годов—Плеханов для характеристики тактики питерского заводчика Кенига нашел гетевский образ: «Если читатель припомнит защитительные речи гетевского Рейнеке-лиса, он составит себе полное понятие о смысле кениговских объяснений»¹. Известно, как широко пользовался Плеханов образами и речениями из «Фауста»—своей любимой книги. И не только «Фауста»! Испещрен пометками почти каждый том сохранившегося в его библиотеке экземпляра сочинений Гете. Есть замечания о Гете и в его записных книжках. Однако сколько-нибудь развернутой характеристики Гете мы до сих пор у Плеханова не встречали. В этом отношении публикуемая рецензия, несмотря на сжатость и скупость ее высказываний, имеет значение и интерес.

«Когда я был молод—любят говорить в Германии—я произносил сразу: «Шиллер и Гете»,—пишет Плеханов,—теперь я этого не делаю, теперь я между Шиллером и Гете делаю большую паузу». Если взять Шиллера и Гете со стороны их классовой природы, идеологического содержания творчества, у нас все основания поставить их рядом: оба они выразили мировоззрение молодой германской буржуазии поры ее лучших дней. Но, сопоставляя их под углом зрения уровня, глубины, философской осмысленности мировоззрения, между ними нельзя—в этом Плеханов совершенно прав—не сделать большой «паузы».

Маркс и Энгельс, отдавая должное немалым заслугам Шиллера, не раз и не два отмечали метафизическо-идеалистическую основу его творчества, мещанскую уозсть его произведений. Они противопоставляли Шиллера Шекспиру как два противоположных метода драматургии, при чем их сочувствие было целиком на стороне Шекспира. Отвечая Лассало на присылку его трагедии «Франц фон Зикинген», Маркс писал: «...Тебе само собой пришлось бы тогда больше шекспиризировать, между тем как сейчас я считаю шиллеровщину, превращение индивидов в простые рупоры духа времени, твоим крупнейшим недостатком»². Показательно, что Маркс в том же письме наряду с Шекспиром упоминает и историческую драму Гете «Гец фон Берлихинген», вызвавшую его одобрение потому, что темой ее взят исторического значения классовый конфликт и передан в адекватной форме³. Энгельс в известной статье о Гете прямо противопоставляет его Шиллеру: «Гете был слишком универсален, слишком активная натура, слишком плоть, чтобы искать спасения от убожества в шиллеровском бегстве к кантовскому идеалу»⁴. Как видим, основоположники марксизма проводили глубокую грань между Гете и кантианцем-Шиллером.

Вслед за Марксом и Энгельсом Плеханов делал «паузу» между прославленными диоскурами. Л. И. Аксельрод, вспоминая о литературных вкусах Плеханова, говорит: «Из немецкой литературы он был глубоким почитателем Гете. Шиллера не любил»⁵. Это можно проследить и по его работам, где, обращаясь в противоположность Шиллеру к Гете, Плеханов выдвигает на первый план моменты, в какой-то мере созвучные материализму. Критикуя, к примеру, гносеологию идеализма, Плеханов вспоминает известную эпиграмму Гете: «Гете чутьем гениального поэта-мыслителя лучше «трансцендентального идеалиста» Канта и даже лучше материалиста Гольбаха понял, где истина. Он сказал:

Nichts ist innen, nichts ist draussen,
Denn was innen, das ist aussen.
So ergreift ohne Säumniss
Heilig öffentliche Geheimniss...

В переводе:

Что внутри—во внешнем сыщешь;
Что вовне—внутри отыщешь,

Так примите ж без оглядки
 Мира внятные загадки.

Точный перевод первых двух стихов: «Ничто—внутри, ничто—вовне, ибо что внутри, то и вовне».

«В этих немногих словах заключается,—пишет Плеханов,—можно сказать вся «гносеология» материализма; но ни этих слов, ни материалистической теории познания до сих пор не могут понять те схоластики, которые толкуют о непознаваемости внешнего мира»⁶.

В статье против К. Шмидта Плеханов снова противопоставляет этот стих как «истинно материалистический взгляд» взглядам французских материалистов XVIII века, утверждавших, что мы познаем лишь внешность, «скорлупу вещей»⁷.

Несомненно Гете здесь подошел к природе как истый диалектик; Плеханов мог бы привлечь еще строки из «Freundlicher Zuruf», где та же мысль выражена с большей силой и ясностью:

Natur hat weder Kern
 Noch Schale
 Alles ist sie mit einem Male.

В переводе:

«У природы нет ни ядра, ни скорлупы, она—все разом».

В полном согласии с Марксом и Энгельсом Плеханов подчеркнул и необходимость изучения Гете «в разрез с устаревшим мнением о его мнимом равнодушии к «юдоли печали и скрежета зубного». С сожалением надо признать, что до сих пор с этой точки зрения Гете достаточно не изучен, как и то, что марксистское литературоведение до самого последнего времени вообще не уделило Гете того внимания, которого он заслуживает.

Плеханов оговаривает, что книга Шахова также не отвечает этому требованию: автор ее не увидел многого из того, что составляет «доподлинную сущность» Гете. В равной степени книга Шахова не поможет понять, по словам Плеханова, «паузы», глубокого различия между Гете и Шиллером. Между тем, как мы только что показали, это и были два основных вопроса, на которые обратил внимание Плеханов, подойдя к Гете. Ни на один из них книга Шахова не дала удовлетворительного ответа. Спрашивается: почему же Плеханов объявил ее «прекрасной» и «замечательной» во всех отношениях?»

На наш взгляд, работа Шахова не заслуживает подобных похвал. Автор ее, А. А. Шахов (1850—1877), был типичным представителем так называемой культурно-исторической школы, русским последователем Тэна и единомышленником Брандеса. По сути его даже нельзя причислить к «шестидесятникам», как это делает Плеханов. Типичным представителем революционных демократов той эпохи—«шестидесятников», если уж употребить этот неудачный термин,—был конечно Н. Г. Чернышевский. Но Шахов никакой стороной не принадлежит к числу последователей Чернышевского. Н. Г. Чернышевский до конца дней своих был «фейербахианцем» и—вопреки мнению некоторых исследователей—«сумел остаться на уровне цельного философского материализма», Шахов же был идеалист, контианец и кантианец, считавший «Критику чистого разума» «высшим проявлением» философии времени Гегеля и Гете. Шахов сделал шаг назад от «шестидесятников».

Дюжинный позитивист, он путал диалектику со схолистикой комментаторов «Фауста»; вторая часть «Фауста» для Шахова вообще осталась за семью печатями, в чем он сам честно сознавался: «Развитие элементов этого произведения, его художественная организация для нас непонятны», писал он, добавляя, что ему «скудно следить за этими вычурными комбинациями ослабевшего воображения»⁸. Нечего сказать, «прекрасна» книга, которая сама расписывается в неспособности понять предмет своего исследования! Чем же однако объяснить комплименты, с неожиданной щедростью расточаемые Плехановым? Чем объяснить—беря шире—самый вообщее интерес Плеханова к старой, полузабытой книге?

Тому есть своя причина. В явной хвале можно видеть замаскированный упрек. «У нас,—говорит Плеханов,—нет ничего равноценного этой книге о Гете. Шахов знает Гете и его время по самым непосредственным источникам...» Допустим! Но кто еще писал у нас о Гете? В том же 1908 г. появились «Очерки по истории западноевропейской литературы» В. Фриче, где в частности говорилось и о Гете. Незадолго перед ним посвящает Гете несколько статей А. В. Луначарский. И Фриче, и Луначарский, как известно,—политические и литературные противники Плеханова, шедшего в 1908 г. во главе русских меньшевиков. И в данной рецензии он

ведет, пусть не называя имен, полемику с ними. Плеханов, возможно, для того и взялся за книжку Шахова, чтобы ударить по своим противникам, и похвалы Шахову являются таким образом лишь изнанкой порицания Фриче, Луначарскому и др. Наконец—и это не последнее—Плеханову мог импонировать ученик Тэна потому, что сам он был не свободен от влияния учителя. Известно, что отношение Плеханова к буржуазным критикам и историкам литературы не всегда отличалось непримиримостью (вспомним его отзывы о Тэне, Лансоне и др.). Нельзя объяснить эту долю «либерализма» иначе, как ограниченностью литературоведческой концепции Плеханова, мешавшей ему до конца понятия порочность буржуазной критики.

В заключение—два слова об «истории» печатаемой ниже рецензии. Мы извлекли ее из декабрьской книги журнала «Современный Мир» за 1908 г., где она была помещена, подписанная инициалами Г. П., в отделе библиографии. Рязанов прошел мимо нее, оставив ее незамеченной, в собрание сочинений Плеханова она не вошла, и никогда и нигде доселе указаний на нее в печати не встречалось. Как раз в годы 1905—1912 Плеханов снова обращается к вопросам искусства и литературы, часто выступает по ним, пишет ряд статей, из которых многое печатается, а еще больше оставляет незаконченным, и лишь теперь мы знакомимся с плехановскими работами той поры по его архиву. Таким образом рецензия на Шахова лежит целиком в плане тогдашних взглядов, работ и интересов Плеханова. Характерный плехановский стиль и наличие созвучных другим плехановским высказываниям мыслей не оставляет сомнений в принадлежности этой заметки Г. В. Плеханову.

И. Ипполит

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Земля и Воля», № 3 (15 января 1879). «С бумагопрядильной фабрики Кенига». См. Г. В. Плеханов, Сочинения, М., 1923, т. I, стр. 39.

² Письмо от 19 апреля 1859 г. См. «Маркс и Энгельс о трагедии Лассалья».— «Литературное Наследство», кн. III, стр. 16.

³ Там же, стр. 15—16.

⁴ Маркс и Энгельс, Сочинения, т. V, стр. 140.

⁵ Л. И. Аксельрод, Об отношении Г. В. Плеханова к искусству по личным воспоминаниям.—«Под знаменем марксизма» 1922, № 5—6, стр. 17.

⁶ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. VIII, стр. 387.

⁷ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. XI, стр. 99.

⁸ А. Шахов, Гете и его время. СПб., 1908, стр. 263—266.

[РЕЦЕНЗИЯ Г. В. ПЛЕХАНОВА НА КНИГУ ШАХОВА «ГЕТЕ И ЕГО ВРЕМЯ»]

Это старая книга в новом четвертом издании. Но старая книга уже тем хороша, что пополняет старый, давнишний пробел в нашей литературе. Гете в России не посчастливилось. Его совсем не знают, во всяком случае, меньше, чем Шиллера. Для нас это понятно. Но на родине германских диоскуров этому бы сильно изумились. Когда я молод был—любят говорить в Германии—я произносил сразу: «Шиллер и Гете», теперь я этого не делаю, теперь я между Шиллером и Гете делаю большую паузу. К сожалению, понять необходимость этой паузы прекрасная книга Шахова нас не научит. Труд его во всех отношениях замечательный. У нас, если не ошибаюсь, нет ничего равноценного этой книге о Гете. Шахов знает Гете и его время по самым непосредственным источникам, и книга его еще долго будет нужной и полезной. Но Шахов ограничен своим временем и смотрит на Гете глазами русского шестидесятника и, конечно, не видит многого из того, что согласно новейшим данным о жизни и творчестве Гете составляло его доподлинную сущность. Гете все еще—равнодушный к делам всего мира олимпиец, не знавший ни муки, ни сомнений. Короче, книгу Шахова можно снова с благодарностью принять, но только с тем ограничением, что индивидуальность Гете должна быть заново изучена и обязательно в разрез с устаревшим мнением о его мнимом равнодушии к «юдоли печали и скрежета зубовного».